

„Демон русской революции“ или ее последний романтик? – Троцкий в борьбе против Сталина и Гитлера*

Физическое уничтожение старой большевистской гвардии, которая после 1917 года диктаторски властвовала в России, - одно из самых поразительных явлений новейшей истории. Внешне эта трагедия, отчасти, напоминает события во Франции времен якобинского террора. Но во Франции 9 термидора 1794 года режим Робеспьера, просуществовавший не более двух лет, рухнул. В Советском Союзе, напротив, „термидора“ никогда не было, вопреки утверждениям некоторых авторов. Не могло быть и речи о сколько-нибудь последовательном сопротивлении тирану со стороны ленинской гвардии, за немногими редкими исключениями - такими как Мартемьян Рютин и некоторые другие. Вот что пишет в этой связи биограф Сталина, А. Антонов-Овсеенко:

„Часто спрашивают, неужели на Сталина не было ни одного покушения? Да, ни одного... Да их не было у нас, заговорщиков, ибо уже к началу 30-х годов с именем Сталина связывали все победы социалистического строительства. И разгром „троцкизма“. И укрепление единства коммунистических рядов“.¹

Упорная борьба Троцкого против Сталина, которую бывший соратник Ленина вел начиная с 1929 года вплоть до своей гибели в 1940 году, нетипична для тогдашнего большевизма. Высылка из СССР, которую так тяжело пережил Троцкий, в конечном итоге оказалась подарком судьбы, так как эффективная борьба с новой деспотией была возможна только из-за границы.

Но не только внутреннюю политику Сталина, но и его губительную для страны и для европейского рабочего движения внешнюю политику можно было после 1929 года в сущности критиковать лишь из эмиграции. Это особенно касается абсурдной концепции „социал-фашизма“ восторжествовавшей в Коминтерне в 1929 году, чуть ли не накануне захвата власти нацистами. Сталинское руководство Коминтерна беспощадно пресекало любую попытку немецких коммунистов объединиться с социал-демократами в борьбе против фашизма, клеймило этих коммунистов как беспринципных оппортунистов.² Это о них сказал Эрнст Тельман в декабре 1931 года, что они не видят из-за нацистских деревьев социал-демократического леса.³ О возможности единого фронта с социал-демократами стали говорить в Коминтерне лишь в середине 1934 года, когда рабочее движение в Германии было уже уничтожено Гитлером.

* Опубликовано ранее в журнале *Kommune* (1990. № 10).

¹ Антонов-Овсеенко А. Сталин и его время // Вопросы истории. 1989. № 10. С. 84.

² См. Luks L. Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921-1935. Stuttgart, 1935.

³ Die Kommunistische Internationale. 10.12.1931. P. 1906.

К числу немногих коммунистов, которые открыто боролись против отождествления социал-демократии с фашизмом и предостерегали от катастрофических последствий подобной тактики, в первую очередь принадлежал Троцкий. Можно обвинять Троцкого в чем угодно, но только не в том, что он недооценивал нацистской угрозы. Его полемика с официальной линией Коминтерна в начале тридцатых годов - это блестящая и уничтожающая критика сталинского упрощательства.

Но близорукими с точки зрения Троцкого оказались и другие противники национал-социализма. Сыгравший в 1917 году важнейшую роль в уничтожении русской демократии, он в начале тридцатых годов с бессильным раздражением наблюдал, как немецкие демократы совершают почти те же ошибки, какие в свое время допускали демократические противники большевиков в России.⁴ Нацисты сумели использовать слабость парламентарного государства и близорукость своих конкурентов несколько не хуже большевиков.

Одним из элементов этой тактики, особенно сближавшим большевиков с нацистами, было специфическое сочетание легальных и нелегальных средств в борьбе за власть. Этот факт особенно беспокоил Троцкого. Противники НСДАП (Национал-Социалистической Рабочей Партии) слишком односторонне ориентировались на легальную, парламентскую борьбу. Не только СДПГ (социал-демократы) но и КППГ по сути дела полагалась на конституционный порядок и верила, что Гитлер будет соблюдать правила парламентской игры.⁵ Троцкий же понимал, что рано или поздно нацисты перейдут к внепарламентским действиям. В декабре 1931 года он писал, что национал-социалисты никогда не получают абсолютного большинства на выборах.⁶ Иными словами, Троцкий был уверен, что демократическим путем нацизм не придет к власти. Но господствующие группировки в Германии могут передать нацистам власть добровольно; такую возможность Троцкий тоже учитывал. В этом случае государственный переворот был бы естественным следствием передачи власти.⁷

Задолго до победы Гитлера Троцкий не уставал повторять: без уничтожения парламента, многопартийной системы и прежде всего организаций рабочего класса, господство нацистов немислимо.⁸

Единственное, что может предотвратить нацистский переворот - это единый фронт коммунистов и социал-демократов. Сталинское же руководство, продолжает Троцкий, признает лишь один вид единого фронта - когда все другие партии безоговорочно подчиняются приказам Коминтерна. Сталинскую теорию „соци-

⁴ См. Deutscher I. *Der verstoßene Prophet*. Stuttgart, 1963. P. 263; Brahm H. *Trockij's Aufrufe gegen Hitler 1930-1933 // Jahrbücher für Geschichte Osteropas*. 1963. P. 521-542; Wistrich R.S. *Leon Trotsky's Theory of Fascism // Journal of Contemporary History*. 1976. P. 157-184; Trotzki L. *Schriften über Deutschland / Ed. H. Dahmer*. Frankfurt/Main, 1971. Vol. 1. P. 184, 345; idem. *Diary in Exile 1935*. Cambridge/Mass., 1968. P. 3.

⁵ L. Trotzki. *Schriften über Deutschland*. Vol. 1. P. 164-165, 310, 391-392.

⁶ Ibid. P. 164-165.

⁷ Ibid. P. 391-392.

⁸ Троцкий Л. Что есть Социалфашизм // Бюллетень оппозиции. 1930. Май. № 15-16. С. 29.

ал-фашизма“ Троцкий называет бессмысленной конструкцией, у которой есть лишь одно преимущество: никто из членов Коминтерна не смеет против нее протестовать.⁹

Такой же безжалостной критике Троцкий подвергал тактику немецких социал-демократов. СДПГ, пишет Троцкий, не верит, что фашисты перейдут от слов к делу. Социал-демократы судят по себе о поведении нацистов. Для этой партии всегда был характерен страх перед решительными действиями. Такую же нерешительность она невольно приписывает и НСДАП. А когда вырисовывается реальная опасность, СДПГ уповает на прусскую полицию, на армию, на верность президента конституции. СДПГ, миллионная партия, хотела бы, чтобы государственные чиновники защитили ее от другой миллионной партии.¹⁰

Все эти черты, подмеченные Троцким, были присущи и русским социал-демократам и социал-революционерам, что конечно облегчило большевикам захват власти в 1917 году. Непосредственно после большевистского переворота Троцкий в одной из своих речей, обращенной к социал-демократическим противникам, презрительно указал им дорогу в «мусорную корзину истории».¹¹ Тринадцать лет спустя он видит в союзе с движением, которое он когда-то с таким высокомерием изгнал с политической сцены в России, чуть ли не единственную возможность преградить национал-социализму дорогу к власти.

Между прочим, Гитлер после своей победы почти дословно повторил давнее высказывание Троцкого о крахе социал-демократии. Однако он распространил это утверждение на всех марксистов, т.е. и на коммунистов.¹²

Очень рано Троцкий предсказывал смертельную угрозу, какую нацистская Германия представит для Советского Союза. Лишь фашистская Германия может решиться на войну с Советским Союзом, чтобы отвлечь внимание народа от неразрешимых внутренних проблем, писал Троцкий еще в 1932 году, до победы нацистов.¹³

Троцкий даже советовал советскому руководству провести частичную мобилизацию, как только нацисты захватят власть в Германии.¹⁴ Сталинское руководство Коминтерна квалифицировало эти советы как провокацию. Сталинист Отто Куусинен утверждал в сентябре 1932 года, будто Троцкий добивается, чтобы Советский Союз без всякой необходимости ввязался во внешнеполитическую авантюру и тем самым поставил на карту свою безопасность.¹⁵

Когда национал-социалисты действительно пришли к власти, Троцкий заявил, что их стремление к неограниченной экспансии можно подавить лишь силой.

⁹ Trotzki. Schriften über Deutschland. P. 193-194.

¹⁰ Ibid. P. 187-188.

¹¹ Trotzki L. Geschichte der russischen Revolution. Vol. 1-3. Frankfurt/Main, 1973. P. 951.

¹² Hitler, Reden und Proklamationen. 1932-1945 / Ed. M. Domarus. München, 1965. Vol. 1. Erster Halbband 1932-1934. P. 232.

¹³ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 1. P. 157-158, 313-315. Vol. 2. P. 559.

¹⁴ Ibid. Vol. 1. P. 315.

¹⁵ XII Пленум ИККИ. 27.VIII.-15.IX.1932. Стенографический отчет. V. 1932.

Пытаться вести с ними мирные переговоры бесполезно. На западные державы он однако в этой борьбе не слишком надеялся. Троцкий достаточно рано распознал политическую близорукость тогдашних западных руководителей. Западные державы, писал он в 1933 году, лелеют надежду, что национал-социалистическая экспансия устремится на Восток. Поэтому они и не возражают против вооружения Германии. В действительности же национал-социализм стремится не только к завоеванию Востока но и к мировому господству. Поэтому его война с западными странами тоже рано или поздно неизбежна.¹⁶

Ясное понимание того, что гитлеризм представляет собой небывалую опасность для европейской цивилизации, совмещалось у Троцкого, как ни странно, с определенной недооценкой Гитлера, не говоря уже о его презрении к личности нацистского вождя и к его „абсурдному“, „сумбурному“ и „ненаучному“ мировоззрению (как выражался Троцкий). Подобно другим высокообразованным интеллектуалам он недооценивал Гитлера - примитивного и полуобразованного самоучку. Но также отнеслись к Гитлеру и Курцио Малапарте и Освальд Шпенглер и многие другие, видевшие в Гитлере лишь карикатуру на Муссолини.¹⁷

Впрочем в недооценке Троцким Гитлера сыграло роль еще одно обстоятельство. Троцкий - герой и вдохновитель русской революции, полководец гражданской войны и признанный лидер мирового коммунистического движения - долгое время был кумиром масс, объектом безмерного восхищения. Его судьба сложилась, однако, так, что сначала его изгнал за пределы страны один примитивный самоучка - Сталин, а затем ему пришлось пассивно наблюдать, как другой такой же самоучка - Гитлер - достиг абсолютной власти в Германии, в стране, которую Троцкий считал ключевой в мировой политике и в мировой революции. Троцкий не мог примириться с тем, что многие объясняли удивительные успехи Сталина и Гитлера их личными качествами и способностями. Ему казалось, что триумф этих жалких деятелей объясняется действием анонимных исторических сил, которые, так сказать, „воспользовались“ Сталиным и Гитлером.¹⁸ Когда Троцкий это писал, Сталин завершил коллективизацию - беспрецедентную по своим преступным масштабам революцию сверху, а Гитлер стал единоличным властителем крупнейшей индустриальной державы Европы.

И всё же Троцкий ставил Гитлера в определенном смысле выше Сталина. Троцкому до некоторой степени импонировал демагогический талант нацистского вождя. У Сталина же, по его мнению, не было никаких сколько-нибудь выдаю-

¹⁶ Trotzki. Schriften über Deutschland. Vol. 2. P. 555-566.

¹⁷ Ibid. P. 573-574; Malaparte C. Technik des Staatsreiches. Leipzig, 1932. P. 219-232; Spengler O. Jahre der Entscheidung. Deutschland und die weltgeschichtliche Entwicklung. München, 1953. P. 146-148.

¹⁸ Trotzki L. Stalin. Eine Biographie. Reinbek b. Hamburg, 1971. Vol. 1. P. 13. T. 2. P. 233-234; idem. Schriften über Deutschland. T. 2. P. 233-234; см. также Brahm. Trockijs Aufrufe. P. 526-527.

щихся политических способностей. Как политик, Сталин по мнению Троцкого не идет ни в какое сравнение ни с Гитлером, ни тем более с Муссолини.¹⁹

Троцкий называет Сталина „термидорианцем“.²⁰ Тем самым он показывает полнейшее непонимание сути сталинской революции сверху. Ведь когда мы говорим о сталинизме, речь отнюдь не идет о попытке покончить с утопически-террористической фазой революции. Наоборот, Сталин довел эту линию развития русской революции до логического предела. Троцкий же считал верность идее мировой революции неотъемлемой частью всякой „истинно-революционной“ политики. Отсюда и его недооценка беспримерной динамики сталинской „революции сверху“.

Не все поклонники Троцкого разделяли его взгляды на этот счет. Исаак Дейчер - автор одной из самых основательных биографий Троцкого — хотя и повторяет слова Троцкого о „термидорианском“ характере сталинского режима, но одновременно выдвигает противоположную концепцию, которая несомненно гораздо точнее отражает суть сталинской эпохи. По мнению Дейчера, сталинский переворот по своим последствиям был еще значительнее, чем октябрьская революция. Ибо Сталин, и только он, создал ситуацию, которая полностью исключала возврат к дореволюционным порядкам.²¹

Работы Троцкого написанные в изгнании, изобилуют разного рода ошибочными оценками, но вместе с тем представляют собой блестящий вклад в развитие марксистского политического мышления. В особенности касается это предложенного Троцким анализа фашизма и сталинизма.

В Советском Союзе эти работы долгие годы оставались практически неизвестными. Перестройка поначалу мало что изменила в этом отношении. Она лишь продолжила начатую еще в 1923/24 годах „демонизацию“ Троцкого. В глазах многих приверженцев перестройки Лев Троцкий - вдохновитель красного террора во время гражданской войны (впрочем

тут он мало чем отличался от других большевистских лидеров) и критик НЭПа - был предтечей Сталина. Характерно в этой связи например заявление литературоведа Юрия Карякина: „Я всегда Троцкого терпеть не мог. Троцкий - это Сталин вчера, а Сталин - это Троцкий сегодня.“²²

Сотрудник журнала „Коммунист“ Отто Лацис вообще отказывает Троцкому в праве называться большевиком. Лацис считает, что большевистская партия всегда оставалась чуждой Троцкому.²³

Между тем именно Троцкий тяготел к непомерному возвеличиванию партии и в высочайшей степени отождествлял себя с ней. В 1924 году, уже после того как

¹⁹ Trotzki. Stalin. T. 1. P. 12-13. T. 2. P. 260; см. также Trotzki L. Stalin als Theoretiker // idem. Schriften 1. Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur. T. 1.1 (1929-1936) / Ed. H. Dahmer, R. Segall, R. Tosstorff. Frankfurt/Main, 1988. P. 192-223.

²⁰ L. Trotzki. Schriften 1. Sowjetgesellschaft. T. 1.1. P. 47, 227, 403, 581.

²¹ Deutscher I. Russia after Stalin with a postscript on the Beria affair. L., 1953. P. 97-98.

²² Огонек. 1988. № 12. С. 18.

²³ Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6. С. 124-178.

началась партийная кампания против Троцкого, архитектор переворота 7 ноября 1917 года говорил: „Никто из нас не хочет и не может быть правым против партии. Партия в последнем счете всегда права“.²⁴

Особенно отчетливо сказываются сталинские клише в характеристике Троцкого, которую дает автор первой „перестроечной“ биографии Сталина генерал Дмитрий Волкогонов. Он описывает Троцкого как карьериста, которому важны не принципы, а личная власть: „... Если бы Троцкий стал у руля партии, ее бы ждали еще более тяжкие испытания, чреватые утратой социалистических завоеваний. Тем более, что у Троцкого не было научной и ясной программы построения социализма в СССР“.²⁵ А разве у Сталина была такая программа? И можно ли себе представить более тяжкие испытания и для партии, и для страны, чем те, которые связаны с именем Сталина?

Есть однако и авторы, выступающие против этой смеси предвзятости и недостаточной осведомленности. К ним относится политолог и историк Игорь Клямкин. Он указывает, в частности, что выдвинутая Троцким в 1918-20 годах концепция „казарменного коммунизма“ полностью совпадает с тогдашними взглядами Ленина. Клямкин отмечает и существенные различия в позициях Троцкого и Сталина по отношению к НЭПу. По мнению Клямкина, Троцкий, остро критикуя Новую Экономическую Политику, в то же время действовал, оставаясь в ее рамках. Он добивался радикальной реформы НЭПа, Сталин же поставил своей целью его ликвидацию.²⁶

Как бы то ни было, ссылки на верность Троцкого Ленину и большевизму - не лучший способ поправить его репутацию в сегодняшнем Советском Союзе. В стране происходит радикальный демонтаж культа Ленина, да и всех большевистских святых. Причем это наступление ведется главным образом с двух флангов: либерально-демократического и шовинистически-антисемитского. Для обоих лагерей Троцкий абсолютно неприемлем.

И всё же, как это ни удивительно, начиная с 1989 года происходит „возвращение“ Троцкого в Советский Союз. Его работы переиздаются, начинается робкое научное изучение его идей.²⁷ Интерес к Троцкому вызван, как правило, не идеологическими или партийными соображениями, а скорее любопытством к этому деятелю, некогда преданному анафеме.

Идеи Троцкого вот уже более шести десятилетий стимулируют многие идеологические и политические дискуссии на Западе. Теперь к этим дискуссиям хотели бы приобщиться и некоторые советские исследователи. Пробив окно в Ев-

²⁴ Тринадцатый съезд РКП(б) 1924. Стенографический отчет. М., 1963.

²⁵ Волкогонов Д. Феномен Сталина // Литературная газета. 1987. № 50. С. 13.

²⁶ Клямкин И. Какая улица ведет к храму? // Новый мир. 1987. № 11. С. 150-188.

²⁷ См. Данилов В. Мы начинаем познавать Троцкого // ЭКО. 1990. № 1. С. 47-62; Подщеколдин А. Новый курс. Пролог Трагедии // Молодой Коммунист. 1989. № 8. С. 45-50; Старцев В. // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 135-137; Гусейнов А. Мораль и насилие // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 127-136, Панцов А. Лев Давидович Троцкий // Вопросы истории. 1990. № 5. С. 65-87.

ропу, советские авторы нашли там, к своему удивлению, не только приверженцев рыночной экономики, но и поклонников Троцкого. Однако в этом и состоит принцип выработанного многими поколениями западного плюрализма: там могут уживаться совершенно противоположные идеи, которые в других условиях стремились бы к взаимоуничтожению.